

Последний узник Ольхона

На Байкале есть известный остров Ольхон: сто километров в длину, до десяти в ширину. Местные буряты называют его "островом духов" и считают, что именно здесь, на горе Ижимей, ограничивающей остров с севера и обрывающейся отвесными скалами в самый глубокий, почти двухкилометровый омут священного моря, живет бурхан Ижим - хозяин Байкала.

В тридцатые - пятидесятые годы двадцатого века остров стал местом ссылки. Лагерь, где содержались "враги народа", располагался в бухте Песчаной. Несколько лет назад, в возрасте 90 лет, умер последний узник этого лагеря. Он до конца дней своих жил в лагерном бараке.

Остров духов

На Ольхон я первый раз попал в октябре. На материке уже начиналась зима. Сыпала снежная крупа. Вдоль дороги пятнами лежал первый снег. У паромной переправы через пролив Ольхонские ворота ждали своей очереди несколько машин, в основном местных жителей, - "уазики" и "Нивы".

- Видел бы ты, что здесь творится в июле, - сказал зачинщик поездки геолог Володя Тихонов, уговоривший меня съездить к нему на "дачу". - Часами приходится ждать, пока переправишься.

Проезжаем поселок Хужир, самый большой населенный пункт острова. Песок, деревянные дома. Здесь живет тысяча человек - две трети населения Ольхона. В середине прошлого века население острова составляло более трех тысяч человек, большая часть - ссыльные и заключенные двух лагерей. До аула Халгай, куда мы едем, еще 20 километров. Пыльная дорога (асфальта на острове нет). Степь, покрытая пожухлой травой. На западе - свинцово-зеленые воды Малого моря, за которым поднимаются отроги Байкальского хребта. На востоке, за степной полосой, - поросшая тайгой горная гряда. На восточном берегу острова люди не живут. Зато живет байкальская нерпа.

Снега нет и в помине. На Ольхоне его практически не бывает. Так же, как летом почти не бывает дождей. Второе название Ольхона - Сухой остров.

В Халгай приехали к вечеру. В распадке, полого спускающемся к песчаному пляжу, хаотично разбросаны старые избы. До берега Малого моря от домов не менее полукилометра.

"Дача" - древняя бурятская изба на краю поселка: кухня с печкой- плитой и две небольшие комнаты. Почерневшие и окаменевшие от времени бревна из лиственки, пол из толстенных тесаных плах. Дом в шестидесятые годы купил отец Володи - заслуженный геолог СССР Виктор Тихонов.

Едва тусклое осеннее светило коснулось краем Байкальского хребта, оператор Миша Поплавский (ныне уже покойный) вытащил из избы камеру со штативом и в течение часа, пока не стемнело, снимал закат. Зрелище было феерическим. Солнце проваливалось сквозь редкие облака за хребет, окрашивая небо, горы, Малое море и степь в самые невероятные, неповторяющиеся цвета.

- Старики говорят, что перед войной на Ольхоне каждый вечер были зловещие закаты, - сказал, кутаясь в ватник, Володя.

- А еще я слышал, что на Ольхоне часто садятся НЛО, - оторвался от камеры Поплавский.

- Ты слышал, а я видел, - ответил Володя. - Я же здесь на Ольхоне два года работал начальником сейсмического полигона Академии наук.

Утром мы поехали на север. Сначала дорога петляла по степи. Неожиданно начался лес. Вековые сосны стояли стеной. На поляне возле большого деревянного креста Володя остановил машину.

- Крест поставили литовцы, - объяснил он. - На острове было очень много литовцев, в лагере и на поселении.

А когда им разрешили вернуться домой, литовцы поставили крест в память о тех, кто остался на острове навсегда.

Лес закончился неожиданно быстро, и мы оказались в дюнах. Дюны, сосны... Пейзаж удивительно напоминал прибалтийский. И море было. Но не Балтийское, а Малое.

Стояло полное безветрие, что редко бывает на острове. Слева, как разлитая ртуть, лежала изумрудная гладь Малого моря - двадцать километров холодной чистой воды. Отроги Байкальского хребта спускались в зеркальный малахит озера как хвосты гигантских динозавров.

Возможно, что это было самовнушение, но я физически ощутил гнетущую энергетику этого странного места.

- Чувствуешь? - Тихонов посмотрел на меня с пониманием.

По песку к видневшимся вдалеке низким темным строениям вели остатки деревянной дороги - лежневки. Почерневшие от времени доски были уложены прямо на песок и прибиты к поперечинам коваными гвоздями. Мы бросили машину и побрели, утопая в рыхлом песке, к строениям.

Длинный деревянный сарай - бывший разделочный цех Маломорского рыбзавода. Огромные бочки для засолки рыбы. В углу сарая - черные груды окаменевшей соли. От сарая к берегу тянется покосившаяся деревянная эстакада. Рыбу перегружали с баркасов в вагонетки и везли в цех.

- Здесь работали зэки, - объясняет Володя. - А жили они вот в этих бараках.

Мимо домов с заколоченными крест-накрест пустыми окнами (в них располагалась охрана) мы идем к баракам. Поваленные столбы, обрывки ржавой колючей проволоки, обломки сторожевой вышки.

Бараков было четыре. От двух остались головешки в песке. Два других целехоньки, только крыши провалились. По песку разбросано тряпье, рваная обувь с деревянными подошвами, спинки металлических кроватей, какой-то хлам. Неподалеку, в сосновом лесу, мы набрали на заброшенное кладбище. Большинство могил безымянные, лишь на некоторых столбики со звездочками. Под ними упокоились охранники.

- Поразительно, как все это сохранилось за столько лет, - удивляюсь я, - не сожгли, на дрова не растащили?

- Озарко не позволял. Он жил здесь.

Поляк поляка всегда поймет

Последний зэка Ольхонлага жил в комнатенке одного из бараков - бывшей парикмахерской. Она оказалась крохотной, эта каморка. Топчан с тряпьем. Потрескавшаяся плита. На вбитых в стены гвоздях - грязная засаленная одежда. И все - пол, стены, плита, топчан, небольшое оконце - покрыто высохшим куриным пометом. Озарко жил вместе со своими курами...

- Яйца он носил в Хужир, за много километров, сдавал в сельпо, деньги клал на книжку, - рассказал Володя. - Еще у него было двадцать голов крупного рогатого скота. Молоко и мясо он тоже сдавал. В одиночку заготавливал сено на все это стадо. Здоровья дед был невероятного - в 90 лет ни одного гнилого зуба. Деньги копил на сберкнижке, хотел дом купить в родных Барановичах.

За что был отправлен Михаил Озарко на Ольхон, чем он занимался до этого, старик долго никому не рассказывал.

Заговорил Озарко в середине семидесятых, когда отец Володи Виктор Леонтьевич привез к себе на дачу гостя - министра культуры Польши, своего боевого товарища Станислава Вронского. Тихонов и Вронский вместе воевали в отряде им. Александра Невского. Тихонов был подрывником-минером, Вронский - разведчиком, напарником Героя Советского Союза Кузнецова.

Увидев Озарко, Вронский обратился к нему по-польски. И вот тогда старый зэка заговорил...

Жолнер

Семья была большая и богатая: отец, мать, братья и сестры. В Барановичах Озарко разводили лошадей для польской кавалерии. В 1939 году Красная Армия освободила от польских панов Западную Белоруссию и всю семью отправили в Архангельскую область на лесоповал. Через два года в живых остался один Михаил. Когда в 42-м году Сталин решил создать польскую армию под командованием генерала Андерса, оказавшихся на

территории России поляков начали собирать из лагерей и поселений. Собрали, одели в форму, накормили. Оказался среди них и Михаил Озарко. Вот только не захотел Андерс вести свое войско на Гитлера под красными знаменами. Вместе с дивизией сбежал генерал в Иран и отдался под покровительство английских властей. Англичане приняли польскую дивизию в состав своих вооруженных сил и направили ее воевать в Африку. В Африке Озарко сражался против солдат Роммеля под Эль-Аламейном. Потом в составе британского экспедиционного корпуса освобождал от фашистов Италию. Послужив некоторое время в оккупационных войсках, Михаил решил вернуться в родные Барановичи - решил, что солдата, честно воевавшего против фашистов, встретят как героя.

...Встретили. Посадили в товарный вагон с решеткой на окне и повезли на остров Ольхон.

В лагере сидели полицаи, которых не успели "шлепнуть", и прочие пособники фашистских оккупантов. Еще здесь были рабочие, опоздавшие на работу, колхозники, кравшие с поля колоски, и сектанты с Западной Украины.

Заключенные ловили рыбу - зимой со льда, летом с карбасов. Работали наравне с рабочими рыбзавода. Любовались закатами, хлебали баланду и мерзли в продуваемых насквозь бараках.

Когда в середине пятидесятых объявили амнистию, большинство заключенных разъехалось по домам. Лагерь был ликвидирован. Озарко остался. Некуда ему было ехать. Михаил женился на девушке, сосланной на Ольхон с Западной Украины. Жилье искать не стали - устроились в одном из домов, где раньше жила охрана лагеря. Работали, как и раньше, на рыбзаводе. Михаил Озарко никогда о себе не рассказывал - ни жене, ни детям. Молчал, боялся. Жена умерла, дети выросли и уехали на Запад. Филиал рыбзавода в бухте Песчаной был закрыт по причине нерентабельности.

Озарко остался один. Переселился в каморку в лагерном бараке, завел скотину, птицу. Стал копить деньги. Не пил, как большинство островитян, не курил. Еще летом он был здоров, просил Володю Тихонова узнать, за сколько можно купить дом в Барановичах. А затем вдруг выяснил, что на все свои сбережения может купить лишь ящик водки...

- Озарко в хужирской больнице, инсульт у него, - сказала нам пожилая женщина-сторож. Она подошла к нам из небольшой сторожки за рыбозаделочным цехом, увидев, что какие-то люди бродят по берегу.

Марфа Иннокентьевна, полная, с тяжелыми красными руками - с 12 лет в море, хорошо знала Озарко и его семью. Девочкой работала с ними во время лова. Про Озарко ничего хорошего не сказала: молчун, бирюк.

Цех, закрытый в шестидесятые годы, остался на балансе рыбзавода. Ей поручили его охранять от лихих людей - чтобы не сожгли, не разграбили. Охраняет, одна. "А чего бояться? Чужие здесь редко бывают... Да и свои тоже".

В Хужире мы с Володей зашли в больницу. Высокий худой старик с лицом, как на иконе, и длинной бородой неподвижно сидел на кровати, сложив на коленях изработавшиеся руки. Поговорить с Михаилом Озарко не удалось. Он не помнил ничего. Но когда я спросил, как звали его командира, старый солдат вытянулся по стойке "смирно" и браво отчеканил:

- Пан дженерал Андерс!

Больше я Озарко не видел. Володя рассказал, что похоронили его в Песчанке. Приехала откуда-то дочь с мужем-пьяницей. Скот наследники продали и тут же пропили. Неделю поминали отца всем Халгаем.

Автор: Владимир Кинщак © Восточно-Сибирская правда ИСТОРИЯ , БАЙКАЛ 👁 4359 05.09.2005, 10:57
👤 178

URL: <https://babr24.com/?ADE=24146> Bytes: 10345 / 10324 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

